
Игорь ГАЛИЛЕЕВ

ПРОСТЫЕ ИСТОРИИ

Новеллы

Дорога

Современные гаджеты в очень многих случаях жизнь, конечно же, облегчают. Делают проще. Взять, например, навигатор. До его появления автомобилисту было ох как непросто: приходилось ориентироваться в дороге, что называется, на пальцах. Особенно в тех местах, где дорожные указатели и знаки отсутствуют. Сейчас же: «поверните налево», «через сто метров вы прибудете...» и так далее. Очень удобно, в общем.

И что самое удивительное, мы настолько привыкли к электронному собеседнику-подсказчику, что доверяем ему безоговорочно. А зря. Потому что, как оказалось, в нашей стране еще очень много мест, дорог и перекрестков, до которых составители карт для навигатора пока не добрались. Убедился я в этом на днях, то есть в прошедшие новогодние праздники...

Мою деревню зовут Скачки. Не знаю почему, ведь степями там и не пахнет, сплошной лес вокруг. От райцентра селение располагается далеко, как местные говорят — «на отшибе». Может быть, поэтому в Скачках и привычный самым древним старожилам уклад сохранился, и народ по большому счету цивилизацией не избалован, и молодежь почти не уезжает. Хотя, возможно, происходит это по той причине, что автобусы туда не ходят — далеко больно. Да и незачем. Ведь порожняком гонять, считай, за те самые тридевять земель мало кому захочется.

Но мне вот захотелось. Дело в том, что у меня в Скачках дом. В котором последний раз я лет сорок назад бывал... Пока бабушка была жива. Потом, когда ее не стало, мне ездить туда не хотелось. Но мама настаивала, просила: мол, давай хотя бы на могилку посмотрим, да дом проверим. В общем, так и делали — сразу на местное кладбище ехали и потом — к бабушкиному домику. Впрочем, я из машины не выходил даже, в эти минуты невероятная тоска за душу брала, поэтому, пока мама ходила, просто сидел и курил, о своем детстве вспоминая.

А когда и мама ушла, про то, что какие-то Скачки на планете есть, я совсем забыл. И не вспомнил бы! Если бы случайно, разбирая в канун Нового года старые документы и бумаги, чтобы выкинуть, не наткнулся на справку из Скачковского сельсовета о том, что бабушкин дом с такого-то числа такого-то года на мое имя переписан. Ну а что, других наследников, кроме меня, нет вроде, поэтому своему открытию я приятно удивился и воспринял его как новогодний подарок откуда-то с неба. Само со-

Игорь Владимирович Галилеев родился в 1972 году в Пензе. Журналист. Дважды победитель международных литературных конкурсов, организованных Международным Союзом русскоязычных писателей. Публикации в журналах «Нева», «Чайка» (США), «Четверговая соль», «Сура», «Север» и других. Живет в Пензе.

бой, в первых числах января решил в Скачки съездить — посмотреть, что там и как, да и не снесли ли бабушкин домик вообще.

И вот в третий день наступившего года, когда голова от поздравлений более-менее проветрилась, я отправился в путь. Дорогу помнил приблизительно — первая ее половина пролегла по трассе, и заблудиться не получилось бы при всем желании. Но вот после поворота с оживленной магистрали — как в страшных фильмах говорят — «в никуда» стало не по себе. Подумалось, мол, ощущение это оттого, что изменилось все вокруг: деревья выросли, в своих ветках заброшенные колхозные коровники спрятав; дороги разбились, непроезжими стали; и людей, конечно же, поубавилось — пустота вокруг. Тем не менее навигатор мне периодически подтверждал правильность движения по выбранному маршруту.

Часа через два после поворота, когда положенные до деревни Скачки шестьдесят километров я уже давно проехать бы должен, появилось некоторое волнение: уж не заблудился ли? Однако в ту же секунду навигатор возвестил:

«Через двести метров на перекрестке поверните налево. Населенный пункт Скачки после поворота через сто метров...»

Слава богу, доехал! Как оказалось, рано радовался... Буквально сразу после поворота в указанную сторону я въехал в камыши! За которыми, между прочим, виднелась зеркальная ледяная гладь озера. То есть, исходя из информации от навигатора, Скачки должны бы находиться где-то на глубине.

Быть такого не может, чтобы моя родная деревня под воду ушла, подумал я, и поехал в противоположную водоему сторону.

Между тем вечерело. Однако моя врожденная настойчивость, замешанная на упорстве, не позволяла мне развернуться домой. Впрочем, примерно через полчаса впереди я увидел какое-то поселение, состоящее из срубовых домишек, от крыш которых вился приглашающий погреться дымок. Какие-либо опознавательные знаки и таблички с названием отсутствовали. Естественно, решил спросить искомую дорогу в первом же на вид жилом доме.

История про участкового

Остановился за хлипким на вид забором из штакетника, вышел из подуставшего от заснеженных дорог автомобиля и, пройдя во двор, постучался в дверь из толстых досок. Через минуту появилась бабуля лет семидесяти.

— Кто здесь? — Посмотрела на меня внимательно. — Вам кого?

— Вы извините меня, пожалуйста, — говорю, пританцовывая от морозца, — я, наверное, заблудился...

— Быват... — вздохнула бабушка и распахнула дверь. — Заходи тады, погреться немного.

Дом начинался с сени, в которых температура от уличной отличалась мало. Зато потом, уже в прихожей, было так душевно натоплено, что тепло буквально само впитывалось каждой порой замерзшего организма.

— Проходи, проходи, не топчись, мил человек, гостем будешь. — При этом бабуля скинула наброшенный на плечи свой пуховый платок и пристроила его на спинке деревянного стула, приставленного к круглому столу, занимавшему центр единственной комнаты. Сама она присела на второй стул и снова вздохнула:

— Ехал-то куда?

— В Скачки свои родные, в которых сто лет уже не был. Вот узнал на днях, что дом мне там по наследству достался, теперь, наверное, часто туда ездить стану. А сейчас, видно, с дороги сбился...

— Нет, не сбился, Скачки твои дальше будут. У нас здесь новую дорогу проложили, которая твою деревню с нашими Ключами соединила. А та, старая дорога, затопла давно, озеро на ней теперича. Да ты не стой, в ногах-то правды нет, чаем сейчас поить буду...

Второй раз просить меня было не надо, и я с удовольствием вытянул ноги в сторону маленькой кухоньки, в углу которой расположилась дровяная печь, щедро делившаяся жаром, стелящимся по полу.

Домик оказался самым что ни на есть деревенским: приемник «Океан» на столе со швейной машинкой был заботливо прикрыт кружевной салфеткой, в правом углу под потолком висела икона с зажженной перед ней свечой, прямо под ней — черно-белый фотографический портрет улыбающегося пожилого мужчины, который весело смотрел из-под кустистых бровей.

— Энтэ супружник мой, Василий Иванович, — бабушка поставила на стол передо мной огромный бокал с дымящимся чаем, от которого исходил аромат ромашки и зверобоя, — Полтора месяца, считай, как помер. Все тоскую вот по нему... Хотя, если честно, чудится, что и не ушел он никуда, здесь, со мной остался.

Я решил, что будет уместно выразить свои соболезнования:

— Сочувствую вам. Видно, хороший мужик был...

— Да, хороший. Только вот выпить любил. Как без этого?! Но работающий был, то есть не во вред выпивал-то. Одно плохо: проводить его толком, как полагается, участковый, скотина, так и не дал.

— Как так?

— У нас в деревне сельпо тока по понедельникам работает, а спиртного там отродясь не водилось — не доезжало оно до нас. Поэтому, считай, каждый здесь свои, домашние напитки делает. Так вот, старый участковый на пенсию ушел, молодого из района прислали. Вот он и задумал самогонварение в деревне победить. Штрафует, окаанный, почем зря. Чуть что, бежит с протоколом, изверг! Но ничего, после того случая, который я ему устроила, уже неделю на людях не появляется — стыдно, можа.

— Какого случая? — спрашиваю.

Бабушка почему-то хитро так, помолодев лицом, улыбнулась:

— Ты чай-то пей, а то остынет. Ладно, расскажу сейчас, — на второй стул напротив меня села, скатерку морщинистыми руками разгладила. — Аккурат перед сорока днями это произошло... У нас ведь как? Все, получается, знают, что кто-то питье изготавливать собирается, не утаишь ничего, одним миром живем-то. Вот новый участковый и решил меня изловить, так сказать, с поличным. А я ишо накануне всех знакомых и соседей на помин пригласила. И вот только надумала мужнин аппарат наладить, как вдруг в окно случайно увидела, что милиционер в соседский сарай крадется, засаду на меня, стало быть, делать. Ну думаю, голубчик, проучу я тебя сейчас. Для виду час провозилась, затем бутылку пятилитровую взяла полную, оделась и на улицу, в огород пошла. А тут он, как черт из табакерки, из сарая выпрыгивает!

— Попалась ты, — говорит, — баба Нюра! С поличным я тебя взял! — А сам-то радуется, сил нет. — Неси бутылку в дом обратно, протокол составлять будем.

А я ему:

— Сынок, дык, вроде я и не нарушила ничего...

— Разберемся!

В избу-то зашли, он сразу в комнату вместе с бутылкой той пошел.

— Неси стакан, баб Нюр, будем следственный эксперимент делать — что у тебя здесь за жидкость находится.

— Можа, — говорю, — не надо, не по-людски это как-то...

— Давай-давай, — настаивает, — закон-то для всех писан, неча, мол, нарушать — за содеянное отвечать надобно.

— Дык, не содеяла я ничего.

— Наливай, бабка, вот сейчас и проверим!

Ну а я чего, если просит, налила ему цельный стакан, конечно, мол, пей, не подавись тока.

Два первых глотка он, считай, залпом выпил, затем тяжелее пошло. Глаза вытаращил, на бутылку с мутной жидкостью смотрит, не поймет ничего.

— Ты чего это налила туда, старая? — спрашивает.

А я ему как есть, так и говорю:

— Милай мой, вода это мыльная. У нас, у стариков, ведь принято так: если кто-то из родных помер, так ту воду, которой покойника обмывали, нужно собрать и сорок дней рядом с домом хранить...

Вот в эту секунду его и вывернуло наизнанку, как варешку. Из дома как оглашенный выбежал, только пятки сверкали! Вот с того момента, как кажется, и дед мой на фотографии улыбаться стал. Смотрит, наверное, с неба-то и вместе со мной смеется. Как раз с тех пор участкового нашего в деревне никто не видел, дома, говорят, сидит, рот полощет...

Когда я отсмеялся рассказанной бабушкой истории, отогрелся, решил дальше по подсказанному ей маршруту отправиться, чтобы до ночи успеть в Скачки свои. Уже на пороге поблагодарил пожилую женщину:

— Спасибо вам за такой прием хороший, за чай — тоже спасибо. У меня бабушки-то уже давно нет, и благодаря вам снова как в детство вернулся.

— А ты почаще приезжай. — Смотрю, слезу смахнула. — Теперь-то по дороге тебе будет. Мне ведь и не надо уже ничего, так, поговорить тока. Ведь одна-одинешенька я осталась на всем белом свете. — И посмотрела так внимательно, с надеждой. — Приедешь?

— Обязательно, баб Нью, теперь обязательно еще приеду...

История про первую любовь

Сел за руль, и на сердце отчего-то так легко стало, словно близкого человека, которого очень давно не видел, встретил. Живые они здесь все какие-то, городом и придуманными обстоятельствами не замороженные. Родные, что ли. Именно в этот момент я впервые подумал, что совсем не зря в путь отправился — из-за этого душа, как показалось, оттаяла.

По дороге воспоминания нахлынули.

Не поверите, но первое предложение руки и сердца я сделал сорок четыре года назад. То есть в шестилетнем возрасте. Произошло это именно в Скачках. Как сейчас помню: лето, запахи подсолнуховые, птицы разговорчивые. Что это за время чудесное, когда любовь буквально во всем тебя окружающем живет, все ею пропитано.

Та девочка, которую Наташей звали, тоже к своим родственникам в деревню на лето приезжала. Она первая из всех детей на улице подошла ко мне и предложила надкусанное яблоко.

— Вот это тебе, — говорит. — С приездом!

Наша деревня всегда тихой была, спокойной. Конечно, не особо крикливые посиделки с пивом местных мужиков за игрой в домино тоже случались, но их присутствие умиротворяло и внушало чувство безопасности. Поэтому в тот август, ближе к сен-

тября, когда темнело уже достаточно рано, родители разрешали нам оставаться на улице до восьми и даже до девяти часов вечера.

Ах, сколько тогда было светлячков!

С моей новой подружкой мы десятками набирали их в литровую банку! Затем, ложась на траву и глядя в небо, снимали крышку и отпускали «блестяшек» в звездное небо. И светлячки роем уносились во вселенную. Поднимаясь все выше, они становились кометами, метеорами и планетами... Как же это было здорово!

Но как и все и всегда, лето закончилось тоже. Наступил предпоследний день моего дошкольного периода. Вечером Наташка выглядела очень задумчивой. В определенный момент она взяла меня за руку и сказала:

— Похоже, это судьба, Игорь.

— Какая еще судьба? — не понял я.

— Ну как бы это сказать, — моя подружка задумалась, — мы с тобой столько времени провели вместе, столько вечеров на небо смотрели, что теперь и дальше вместе должны быть. Поэтому, по всей видимости, это та самая любовь, про которую в книжках пишут.

Поразмышляв над ее словами совсем немного, я согласился:

— Да, так и есть, наверное...

И тут же подумалось о близком расставании на целый год — показалось, что выдержать его я буду не в силах. Поэтому в ту минуту, глядя друг дружке в глаза, мы решили пожениться и, как это бывает у взрослых, начать жить вместе.

Сейчас-то вы улыбаетесь этим моим словам, но для нас тогда все было настолько всерьез, что я даже решил сделать своей избраннице предложение руки и сердца.

Но только после того, как мне разрешит моя мама...

Это случилось утром следующего дня, когда мы шли домой из местного магазина.

— Мамуля, слушай, — помахивая пакетом с початками кукурузы, я пытался подобрать слова, — тут такое дело...

— Случилось что-то? — по всему было видно, что непривычное «мамуля» родительницу насторожило.

— Думаю, да. Ты же знаешь эту соседскую девочку?

Мама не секунду задумалась.

— А-а-а, это та, что с косичками?

— Угу. Так вот, мы с ней светлячков в небо запускали. И в общем, времени так много вместе провели, что теперь нам расставаться совсем не хочется...

— Замечательно...

— Получается, наша дружба, все эти вечерние встречи и так далее — все это зашло слишком далеко. Поэтому...

Мама остановилась и очень серьезно на меня посмотрела.

— Ну, что ты натворил? — спрашивает.

— Почему сразу «натворил»? Ничего я не натворил. Просто мы теперь решили пожениться и вместе жить начать.

У потенциальной свекрови от этой новости сумка из рук выпала.

— Вместе, значит..., — задумалась на минуту. — Если не секрет, где жить планируете?

— Хм, мам, конечно же, у нас.

— Это почему?

— Ну, во-первых, ты готовишь вкусно, во-вторых, не ругаешься по пустякам.

И в-третьих, после ухода папы у нас как раз спальное место освободилось.

— Получается, вы все уже продумали?

— Да, получается...

— Сынок, а на что же ты семью содержать будешь?

— Ой, мам, мы и здесь все решили: пока в школу ходим — кормить нас там будут. Опять же — ее родители помогут, если что...

— А они уже знают о «свадьбе»?

— Нет пока. Но сегодня узнают — она им обязательно расскажет.

— Да уж, сюрприз будет...

Вот так, за разговорами, мы потихонечку до дома дошли.

На лавочке со стороны улицы нас встретила «невеста». С битком набитым небольшим чемоданом из кожзама... Мою маму увидела, покраснела.

— Здравствуйте... — А у самой глаза в землю смотрят.

— Ну здравствуй... А что в чемодане-то? Неужели жить к нам пришла?

— Да... — еще сильнее покраснела.

— А твои родители в курсе? И кстати, разве можно без свадьбы-то вместе жить? Все ведь чин по чину должно быть.

Девочка на мою маму посмотрела, вздохнула.

— Это в ваше время так было. У современной молодежи иначе все.

— Это как? — не поняла мама.

— Они вначале живут, притираются, а потом уже в загс идут. — Опять вздохнула. — Да и разве распишет нас кто в этом-то возрасте...

— Трудно с тобой спорить в этом, — улыбнулась мама. И уже ко мне: — Ну, кавалер, бери невестин чемодан, пойдете чай пить.

«Невеста» оставила чемоданчик в коридоре, в комнату прошла, все внимательно осмотрела, бабушку увидела, поздоровалась.

— Здравствуйте! Мне у вас нравится... — говорит. И тут большую фарфоровую куклу, в половину своего роста, заметила: — Ух ты! Красивая какая! Игорек, неужели это твоя?

— Еще чего! — отвечаю. — Это кукла старинная — она нам от бабушкиной бабушки досталась. Мама говорит, что дорогая и трогать ее нельзя... — добавил, увидев, что го- стья руки к ней протянула.

— Идите чай с печеньями пить, — крикнула мама из кухни.

«Невеста» снова вздохнула, аккуратно, одним пальчиком по белой кукольной руке провела:

— Ну ничего, значит, просто любоваться на нее станем...

На столе уже стояли четыре чашки, из которых дымком поднимался малиновый аромат.

— Вот, с вареньем. Пейте, пока не остыл, — и уже к бабушке обращаясь: — Вот, мам, новая ячейка общества, можно сказать, на наших глазах сформировалась. Познакомь- ся — это невеста Игорева, Наташей зовут.

Бабушка руками всплеснула:

— Вот тебе раз! Ведь совсем малы еще!

В эту секунду постучали в дверь.

«Невеста» как бы съехала, со стула наполовину под стол съехала.

— Это, наверное, мои мама и папа пришли... — шепчет. — За мной. Ох, чего сейчас будет-то...

Из коридора послышалось несколько голосов — разговаривали вроде бы нормально, без повышенных интонаций. Первой на кухне появилась моя мама. Следом запла- канная женщина и мужчина со строгим лицом и растрепанной прической.

Мама сказала:

— Ну вот, Игорь, знакомься: это наши будущие родственники, родители твоей не- весты, — и уже к ним обращаясь: — Да вы чего в дверях-то встали? Проходите. Мы как раз чай пить собрались. И заодно перспективы совместной жизни «молодых» обсу- дить хотели.

Заплаканная женщина с укором на девочку посмотрела.

— Доченька, ну разве можно так? А? Вы представляете, — это она уже моей маме рассказывает, — с почты прихожу, глядь, а ее нет! Шифоньер открыт, и только вешалки пустые висят. Без ее платиц. Представляете? — Хлюпнула носом. — Ни дочери, ни ее вещей! Хорошо Гена, — на мужа кивнула, — рядом в колхозном гараже, где отец работает, был, прибежал сразу. Хотели к участковому идти, думали, что украли ее. Мало ли... На улицу выскочили, а там тетя Дуня — соседка через два дома — на лавочке сидит, говорит, видела ее, мол, сама с тяжелым чемоданом к вам пошла. Вот мы и...

— Может, объясните, что здесь происходит-то, — вмешался в разговор Гена.

Мама вздохнула.

— Как бы вам это помягче сказать... — зачем-то прическу поправила. — В общем, они, дети наши, пожениться решили.

В глазах «невестинной» мамы вначале недоумение появилось — на всех за столом по очереди посмотрела, — затем улыбка дрогнула.

— Как так — пожениться?..

— Да я и сама, считай, только узнала. Когда из магазина шли, мне Игорь эту новость выложил. К дому подошли, а здесь и подружка вот его уже ждет. С чемоданом. Жить, говорит, к вам пришла.

Гена шумно выдохнул.

— Ну, братцы, — затем улыбнулся и снова волосы взъерошил, — ну вы даете. Когда же, дочка, ты нам с мамой об этом сообщить хотела?

«Невеста» глаза от стола оторвала, на родителей посмотрела.

— Лет через пятнадцать...

— В общем, так, — Гена даже встал для важности, — вот через пятнадцать лет и женитесь, сколько душе угодно будет. А сейчас... Бери-ка ты свой чемодан и домой пойдем, — и, видя, что сейчас начнутся слезы, добавил: — Нет, встречаться вам никто не запрещает, дружите, сколько влезет, даже когда в город приедем, так что плакать повода нет.

Моя мама поддержала:

— Да, Игорек, и в гости на чай можешь свою подругу приглашать. А уж потом, когда повзрослеете, мы к этому разговору снова вернемся, — затем задумалась на секунду, — если, конечно, сами захотите...

— Мама! Мамочка! — не выдержал я и на крик сорвался. — А если ей кто-то раньше меня предложение сделает? Я же первым должен быть!

— А она согласится? — Это уже бабушка вмешалась и очень внимательно на «невесту» посмотрела.

Ее мама вдруг предложила:

— Игорь, а ты попробуй, вот все и узнаем...

— Да уж, — добавил несостоявшийся тесть, — по крайней мере, твое предложение уж точно самым первым будет...

Когда я понял, что именно мне сейчас предстоит сделать не на словах, а на деле, испугался! Господи, ведь я даже не знаю как! И опыта-то нет никакого!

Но видя пять пар глаз, включая «невестины», внимательно меня изучающие, встал со стула, к ней подошел. Она в это время тоже поднялась, платье расправила, смотрит на меня, улыбается, глаза, как угольки в костре, душу греют.

Ее ладони в свои взял, тепло почувствовал.

— Наташа, — слова сами откуда-то взялись, — я тебя люблю. И любить всегда буду. Согласна ли ты всю свою жизнь провести со мной?

И глаза напротив слезами наполнились. Счастьем засветились.

— Конечно, согласна, Игорек. Ведь я тоже тебя люблю...

Наши мамы, смотрю, прослезились, а Гена к окну отвернулся. И так легко и светло на душе стало — она, наверное, засветилась даже, как те светлячки.

С тех пор, кстати, мы с Наташей не расставались. Один только раз на целых два года разлучились, когда я в армии служил, после которой, собственно, как и планировали, спустя ровно пятнадцать лет после моего предложения, мы поженились.

В очередной раз я улыбнулся этим своим мыслям и въехал в Скачки, которые влились в мою душу какими-то новыми, а может быть, давно забытыми эмоциями...

История про возвращение

Бабушкин дом я узнал сразу. Только в этот раз выглядел он одиноким. Забытым и брошенным. Издалека почувствовалось, что уже давно там никого нет, жизнь отсутствует. Двор, конечно же, от снега был нечищенный, сугроб прямо к входной двери привалился. Поэтому машину оставил прямо на улице. Честно говоря, в первые минуты показалось, что в Скачках вообще никого нет: ни в одном доме оконца не горели. Только потом, когда к дому подошел и вокруг оглянулся, увидел, что почти ото всех крыш дымок вверх поднимается. Значит, живет деревня! Значит, люди есть. Несмотря ни на что... А они здесь славные, душой прямые. Подумалось, что, может быть, кого из старых знакомых увидеть получится. Решил, что в любом случае уж на одну ночь здесь точно останусь.

На двери амбарный замок висел. Однако что-то вспомнив, словно на автомате, провел рукой над косяком, ключ, привязанный к веревочке, нащупал. Как ни странно, замок открылся без осложнений. И даже свет был — выключатель сработал с первого же раза.

Зашел внутрь, сел у окошка за стол, за которым бабушка время проводила, нас с мамой в гости ожидая, и задумался: чего дальше-то делать.

В глаза фотография маминого старшего брата — дяди Феди — бросилась: он ведь у нас вначале пропавшим без вести числился, а уже потом, в сорок пятом, к концу войны — погибшим. Домой он пришел в 1947-м. Правда, впоследствии с ним целая история приключилась, которую я в романе «Пропавший без вести» изложил. Однако день его возвращения, бабушкой — его мамой — миллион раз пересказанный, буквально перед глазами стоит. Как будто сам тогда рядом с ней стоял...

...Утренний августовский воздух — его свежесть и аромат — проникал во все клетки организма, напивывал удивительной легкостью, беззаботностью и счастьем. Да, именно счастьем.

Счастьем от возвращения.

Федор не был дома шесть лет. И теперь возвращался к маме, бабушке, братишкам и двум сестренкам, которые, когда уходил на войну, не понимали еще — чего это мамка в голос плачет. Как будто прощается. Теперь, наверное, думают, что погиб. Ведь других вариантов-то мало... Вот радости будет!

...И ноги сами танцевального кренделя выписали. Ах, как же хорошо здесь, дома! Федор остановился на обочине пыльной дороги, снял надоевшие за два дня в вагоне солдатские сапоги. Портянки аккуратно сложил квадратом и в мешок заплечный сложил. Босыми ногами на траву росистую встал. Воздухом затянулся во все легкие, чтобы запахи вспомнить, и улыбнулся про себя: вот они, просторы родные, поля душистые, хлебами и молоком ранним пахнущие. Домой иду...

Но все равно черная точка во всей этой радости была: как там объяснить, что спустя два года после войны вернулся? Раньше-то где был и не писал почему? И самое главное — почему солдат без медалей и не в форме возвращается... Ничего, разъяснит все. Все наладится. Ведь там родные, они поймут...

На фоне восходящего солнца вдалеке от районной дороги, с которой свернул в сторону своей деревни, Федор увидел пыль дымкой — едет кто-то. Ну и хорошо, авось подвезет, ведь идти-то еще километров семь осталось. Минут через пять лошадку с телегой, на которой мужик головой кивает в дреме, увидел.

— Доброго здоровьица, мил человек, — метров за десять крикнул Федор.

Мужичок встрепенулся и с вожжами завозился.

— А ну, тпру-у-у, — гаркнул. Остановился. Посмотрел с прищуром: — И тебе не хворать. Куда путь держишь?

— В Скачки иду. Домой.

— Домо-ой? — нараспев протянул мужик. — Чей-то я таких не знаю. Чей будешь-то? И еще раз внимательно осмотрел, словно мерку снял.

— Весенин я. Федор...

— Кто-о? — и с телеги спрыгнул. Мужик небольшого роста оказался — в плечи Федору. Подошел впритык, снизу в глаза посмотрел, потрепанную фуражку снял и пот со лба вытер.

— Во дела-а, — и неожиданно в грудь Федора пальцем тыкнул, — Федька? Ты, че ли?

— Я, кто же еще... — и тут еще одна плечочка из памяти смылась, вспомнил: плотник деревенский. — Дядь Саш, ты ли?

— Ах ты ж бес! Федук! Твоють налево! — запрыгал мужик, ладонями Федора обшлепывая. — Живой!!!

И обнял со всего маху, в грудь уткнулся, захлюпал, приговаривая:

— Бедун ты хренов! Федька! Тебя же считай как три годочка отнесли-то уже... Похоронили... А ты вона, живой! — и слезы по щекам морщинистым размазал.

— Во дела... — уже в телеге, подпрыгивая на дорожных кочках с двумя молочными бидонами, продолжает удивляться дядя Саша. — Как же так-то? Вот Нюрке, матери твоей, счастья будет! Батька-то твой, знаш, наверное, считай, через неделю после того, как извещение о том, что ты без вести пропал, на фронт за тобой поехал — искать вздумал. Искатель одноногий. Ему так и сказали в военкомате: прыгай-ка отсюда, кузнечик подбитый, подобра-поздорову. И ведь все равно поехал, хрен лысый. Настырный был.

— Как был? — не понял Федор.

— Не знаш, значит, — вздохнул дядя Саша, — он в отряд саперов-минеров каких, что ли, как в финскую, записался. Месяц отвоевал. Подорвался... Нюрка-то после этого, думали, не оклемается: один не вернулся, и второй, дурак старый, следом...

— А братья — Ленька с Колькой — и сестренки мои как? — пододвинулся поближе к дяде Саше Федор.

— Ка-ак? Живые, че с ними будет? Райка-то, младшая, староста в школе — умная, сил нет. За Манькой, считай, женихи уже бегают. Ну а братцы твои... Тоже ничего, годится. Ленька в колхозе работает на трахтуре. А Колька пьет, гад. Но ничего, теперь-то ты уж им вместо батьки будешь...

Так потихоньку и рассказал дядя Саша про всех, кого Федор помнил, и тех, кого не знал даже, кто родился и кого нет больше. И о себе тоже — почему на фронт без четырех пальцев не взяли и что детей так и не нажил до старости... Но все равно о других мало думалось — хотелось встречу представить: как подбежит к матери, как обнимет, как в плечо ее уткнется, плачущее лицо пряча. Улыбнулся Федор и слезу от предощущения тепла этого вытер.

Вон и речка родная завиднелась на краю редуемого леса — все так же по пригоркам скачет, прыгает. Скачки — так и прозвали за это. Волнением грудь наполнило, дышать трудно стало.

— Дядь Саш, давай-ка я здесь сойду... Пешком хочу к дому вернуться. А ты езжай, мамку подготовь, что ли. А то ведь не выдержит... — спрыгнул Федор с телеги и вдаль, на деревню свою смотрит. Застыл словно.

Дядя Саша ногами, как циркач-лошадник, на телегу встал, вожжами хлопнул и закричал, как кавалерист:

— Йеоххо! А ну давай, радимая! Гони, мила-а-я-я! — И понесся, только пыль из-под копыт непривычной к таким гонкам лошадки. И уже издали донеслось: — Просыпайся, деррррррррррр! Герой, твоють налево, возвращается!..

Федор на кочку, травой обросшую, присел, сапоги натянул. Затем из глубины вещмешка расческу, наполовину беззубую, достал, лоску, как мог, на голове навел, встал, отряхнулся. Выдохнул.

Домой иду...

А деревня, дядей Сашей разбуженная, шебуршит уже, как муравейник, в домах занавески раздернуты, лица к стеклу прилипли — смотрят: кто с удивлением, кто с непониманием шума утреннего. А кто-то и во двор выбежал, глазек. Дом семейный не сразу по улице, а немного дальше — у журавля-колодца — дворов двадцать мимо пройти надо. Оглянулся — а за ним уже люд деревенский, кто в чем был — подтанниками и ночнушках с платком на плечи, — идет. Тоже, наверное, радости встречи ждут, общаются.

Деревенька никогда большой не была, средней, дворов сто. А сейчас ощущение, что сдулась как бы, скукожилась — новых красок нет, выцвела. Да и люди, которые на улицу вышли — бабье в основном и дети — однотонными, что ли, стали. Война всех в один цвет подравняла...

Не узнал бы забора своего, если бы не телега дяди Саши — вон он, очаг родимый, рукой подать. И тут мать увидел... Стоит, как осинка одинокая — собранная уже, только волосы распущенные, по ветру волнами стелются. Не удержался, крикнул:

— Мама! Мамочка!!! Вернулся я... — последние слова комком в горле встали, всхлипом получились...

И зашевелилось все, картинка с места тронулась.

Первой навстречу сестра Раиса рванулась. Подбежала быстрее ветра, на грудь бросилась.

— Феденька! Родной наш, живой... — и то ли плачет, то ли смеется.

— Живой! Еще какой живой, сеструха! — обнял ее Федор, к себе притянул. А от волос сестриных и молоком, и хлебом — домом пахнет. И Манька с Колькой тоже подбежали, окружили в объятиях. Ленька подошел степенно — совсем взрослый стал, — руку по-мужски, крепко, пожал.

— Вернулся, брат. — А сам своих слез стесняется, глаза прячет. — Только мы и верили, что придешь. Мамка особенно...

Мама...

В шаге от нее Федор остановился, у самого глаза пеленой затянуты, может, поэтому знакомых черточек мало, не найдет никак, и волосы седые совсем. Моргнул раз, другой. И тут ладони ее на своих щеках почувствовал — опарой пахнут, мягкие, добрые. Ласковые.

— Мамулечка... — и упал перед ней на колени, ноги обнял, и все за годы накопленные рыдания из души на волю вырвались, никак остановиться не может. Мама ладонь на голову положила и гладит.

— Ну все, Феденька, дома уже. Пришел. Живой. — Откуда только силы в ней столько, воли, чтобы держаться. Может, выплакала уже все... Нагнулась, за руки потянула. — Заждались мы тебя. Пойдем домой, сыночек...

...Это был, как оказалось, первый и последний день Федора, который он провел дома после войны.

...С этими мыслями, печь не растапливая, укрывшись своим пальтишком, я полчаса спустя спать на единственной полуторной кровати улегся. Мол, утро вечера мудренее...

Чем все закончилось

Сразу скажу: финал этой большой истории, по моему мнению, замечательный. Проснувшись утром, первым делом я к соседям пошел. И к своему удивлению, в двух домах тех, кто меня еще совсем мальцом помнит, нашел! Слез-то сколько было, господи! Вернулся, говорят, наконец, мол, ждали.

В заключение ко всему вышеизложенному хочется добавить, что сейчас, после поездки в Скачки, в меня словно новое дыхание жизни вошло. Я будто бы на мир иначе смотреть начал, с гораздо большей любовью. Думается, что у каждого из нас та самая малая Родина есть, которая наверняка кем-то забыта или недооценена. А ведь именно там находится все наше самое сокровенное, там наши корни, истоки судьбы, сформировавшие фундамент дальнейшей жизни...